

Чтогод

Алексей ПОСЕЛЕНОВ

РАССКАЗЫ

БУМАЖКИ С ЦИФРАМИ

«Метет и метет... Однако, уж ден пять метет не переставая». Евдокия Филонова сидела на некрашеном деревянном табурете посреди маленького торгового зала деревенского магазинчика и слушала, как за окном завывает ранняя зимняя чернота. Чуть затихнув на пару минут, пурга спохватывалась и снова начинала швырять пригоршни жесткого снега в стекло, словно говоря: «Эй, вы, там, не расслабляйтесь. Я по прежнему тут...»

Рядом с табуретом стояло ведро с грязной водой, на котором лежала ручкой длинная швабра со старой рваной тряпкой.

«Вроде зима на дворе, до Нового года рукой подать, откуда же столько грязи берется?» – думала Евдокия, тихо покачиваясь взад-вперед. Она работала в магазине уборщицей третий год, устроившись сюда аккурат перед тем, как забрали на фронт ее Андрея. С того жаркого августовского дня прошло два года и четыре месяца. А через два года и три месяца после того проклятого дня, то есть месяц назад, она получила в казенном конверте серую бумажку. Это было извещение, в котором размашистым почерком было написано, что ее муж Филонов Андрей Алексеевич «пропал без вести в январе 1943 года».

ПОСЕЛЕНОВ Алексей Николаевич родился в 1969 г. По образованию юрист. Автор двух книг прозы. Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Москва», «Сура», «Начало века», «Этажи», «Детское чтение для сердца и разума», в сборнике «Повести и рассказы сибирских писателей». Лауреат и финалист многих литературных конкурсов: им. Короленко, «Мгинские мосты», им. И. Рождественского, «Добрая лира», «Бунинские Озёрки», «Яблочный Спас», «Поэтический атлас» и др. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

69

Она тогда что-то делала во дворе. Было уже холодно, недели как три лежал снег. Их деревенская письмоноска, еще молодая, но уже крупная, страдавшая одышкой баба Ленка Зубкова подошла к калитке и окликнула ее. Ленка поправила на плече сумку и протянула Евдокии конверт, при этом как-то виновато и в то же время настороженно глянув на нее. От Андрея писем не было уже почти год, но мало ли что бывает, война как-никак...

– Чего там? – спросила Ленка, когда Евдокия, сняв варежки, торопливо вскрыла конверт и пробежала содержимое глазами.

– Так, это... – растерянно подняла Евдокия глаза. – Пишут, без вести пропал.

«Это как же, – еще подумала она тогда, – в январе пропал, а пишут сейчас, в ноябре только. Это что же, стало быть, искали все это время, да не нашли?»

Евдокия села на крылечко, не зная, что думать и что делать. Облизнула пересохшие губы и растерянно глянула на письмоноску.

– Может, еще обойдется... Может, ошибка какая... Всяко бывает... – Ленка сочувственно глянула на Евдокию и снова поправила на плече сумку. – Ну, ладно, я тогда пойду... – И она, кивнув, медленно пошла дальше по улице.

Евдокия снова посмотрела на извещение. Ведь «пропал без вести» не значит, что убили.

Вот и тут, в бумажке этой, зачеркнуты же чернилами страшные слова: «...верный присяге, проявив геройство и мужество, был... Похоронен...» Значит, не похоронен он, значит, не убитый.

На крыльцо, суетливо шаркая ногами, вышла свекровь. Видно было, что она наскоро накинула на себя дедову фуфайку да старую шаль, наверное, увидела в окно, что почтальонша что-то принесла.

— Чего там? Письмоноска была, что ли? От Андрея чего?

Она нагнулась и взяла из рук Евдокии бумагу. Минуты три, прищурившись, разбирала написанное, потом как-то неловко и тяжело осела на крыльцо и тихонько завыла. При этом она стала раскачиваться вперед-назад — почти так же, как сейчас качалась сама Евдокия, сидя посреди пустого магазина.

Невестка испуганно посмотрела на нее:

— Мама, ты чего?

— Ну-у-у, — продолжала раскачиваться свекровь, уставившись неподвижными глазами прямо перед собой.

— Мама, ты чего?! — уже выкрикнула Евдокия и вскочила. — Чего ты?! Ведь «без вести пропал» пишут, ведь не убитый, чего ты?!

Стащив с головы платок, свекровь схватила пятерней седые волосы и стала терзать их, дергать из стороны в сторону.

— Сыно-очек, Андрюшенька мой! — стиснув зубы, заскутила она.

Из избы один за другим выскочили неодетых трое ребятишек — два сына, старший и младший, и средняя дочка. Увидев растерянную мать и ревущую бабку, они остановились и замерли.

— Мама стара, ты чего?

Старший, десятилетний Вовка, подошел к бабушке и ткнул ее рукой в плечо. Дети смотрели то на Евдокию, то на бабку, не понимая, что стряслось.

— Идите в избу, а то застудитесь... — махнула на них рукой мать и вдруг почувствовала, как ноги у нее враз сделались ватными.

Она поняла, что это все, что никаких «пропал без вести» быть не может и что мужа ей больше никогда не увидеть.

...Евдокия тряхнула головой, прогоняя прочь еще совсем свежие воспоминания. Боль только-только начала укладываться куда-то на задворки души, и она как могла гнала от себя давящую тяжким грузом тоску. Конечно, нет-нет да высказывала мысль: «А вдруг? А вдруг еще объявится Андрей? Может, лежит где в госпитале или в

плен попал, ведь разное может быть...» Но уже через минуту она понимала, что особо надеяться на эти «вдруг» не стоит. Почему-то не верилось ей в такое чудо.

Но как бы ни было тяжко, а надо жить дальше. Надо жить хотя бы ради детей. По большому счету, только ради них... Себе она ничего уже не хотела и готова была лечь да и помереть хоть сейчас, но разве так бывает? И кто потом будет расти их с Андреем детей? Враз постаревшая на десяток лет свекровь, которая сразу же, как прочитала то извещение, слегла и, считай, две недели пролежала на койке, почти не вставая? Ее старушечьи слезы быстро кончились, и она, похудевшая и осунувшаяся, просто молчком лежала на кровати, глядя в потолок сухими красными глазами. Или свекор, который большей частью бестолково топтался по избе в старых, сто раз подшитых валенках, не зная, куда себя деть и чем занять свои руки? Нет, на них детей оставлять нельзя. Надо самой...

И поэтому она каждый день шла в этот магазин, тащила из ближайшего колодца воду и мыла пол. Мыть надо было два раза в день: днем с часу до двух, когда был обеденный перерыв, и вечером, после семи, когда магазин закрывался. Правда, осенью и весной, когда на улице было особенно грязно, приходилось мыть пол в торговом зале еще и в рабочие часы, но так случалось не каждый день.

Был у такой работы один плюс: она могла больше времени быть дома, чтобы готовить, присматривать за ребятишками, убираться по хозяйству. Но, с другой стороны, платили совсем мало. Денег хватало лишь на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Благо, выручал огород: были все же свои картошка, капуста, морковка и прочее. А на получку можно было купить лишь соли, муки да немного сахара.

Вздохнув, Евдокия встала с табурета, взяла ведро и пошла за прилавок: оставалось вымыть там. Макнув тряпку в воду, она слегка отжала ее и стала тереть коричневый крашеный пол. Метель стремительно выдувала из магазина тепло, и вода уже схватывалась сверху ледяной корочкой.

«Скоро там Клавдия-то придет? Уже печку топить пора, а то совсем выступит все», — думала Евдокия, привычными движениями орудуя шваброй. Клавдия работала в магазине сторожем, охраняя его ночами, но в ее обязанности

также входило топить железную буржуйку, стоявшую в углу торгового зала. Она обычно приходила к восьми часам вечера, к тому времени, когда Евдокия уже домывала пол, а Прохор Лукич, заведующий магазином, подбивал результаты работы за день. Он и сейчас сидел в своей маленькой каморке, отгороженной досками в подсобке, подшивал какие-то накладные, ордера и делал записи в разных толстых книгах.

Из-под прилавка швабра достала несколько завалившихся туда маленьких бумажек с написанными на них цифрами. В магазине было два отдела: продовольственный и промтоварный. Обслуживая покупателя, продавщицы сперва считали общую стоимость товара, записывали ее на бумажку, с которой человек шел на кассу, стоявшую в том же углу, что и буржуйка. Заплатив и получив от кассирши Нины Кузьмовны чек, покупатели возвращались с ним и с той же бумажкой к прилавку и забирали товар. Надорванные чеки продавщицы отдавали с покупкой, а бумажки накалывали на тонкие стальные спицы, вертикально воткнутые в круглые дощечки. В конце каждого дня кассирша и продавщицы сверяли показания кассы с этими маленькими бумажками. Такая процедура была необязательной, но ее ввел сам Прохор Лукич, боявшись, чтобы не случилось какой-нибудь недостачи или расхождения в бумагах. «Уж лучше мы лишние полчаса после работы посидим, зато потом, когда ревизия приедет, спокойнее себя чувствовать будем», – размеренно покачивая головой, объяснял он своим продавщицам. Кассовый отчет завмаг потом оформлял как положено, а бумажки с цифрами просто выкидывали.

Евдокия подобрала бумажки и бросила их в мусорное ведро.

«Хорошо бы вот мне продавщицей работать перейти. Хоть и весь день занятой будешь, так то не беда, зато денег больше платят, раза в два с лишним. Тогда бы уж нам полегче жилось... Можно было бы материалу купить ребятишкам на обновку, мыла вот не хватает, и продуктов нет-нет да и взять каких-нибудь. Сахару того же, муки... Только кто же меня возьмет в продавщицы без образования?» Она вздохнула и снова окунула тряпку в ведро с водой.

Так получилось, что за все свои тридцать два года жизни Евдокия училась лишь два дня. В ту пору никаких школ в их дремучей сибирской тайге, раскинувшейся на отрогах Салаирского кря-

жа, отродясь не бывало. Это потом уже, при новой власти, когда она была замужем да при ребенке, в их селе построили семилетку. А тогда, раньше, в деревнях лишь время от времени появлялись люди, которые называли себя учителями. Они останавливались в разных домах (кто пускал к себе), где и учили местных ребятишек грамоте: как писать и читать буквы да как цифры складывать.

На третий год после Октябрьской революции, когда Евдокии исполнилось девять лет, к ним в деревню в начале лета приехал на телеге с местным мельником нестарый еще мужчина в круглых очках и потрепанной форменной фуражке. Прошелся по дворам и сказал, что будет учить ребятишек писать да считать. Остановился этот мужчина у того самого мельника, который и выделил ему половину пустовавшего амбара. Там поставили лавки, какой-то стол, и этого хватило, чтоб амбар превратился в учебный класс, благо на улице было тепло. Детей мельника учитель взялся обучать бесплатно, а остальные, кто был не против приобщить своих ребятишек к грамоте, должны были что-то платить ему. Евдокия, которую отец тоже послал учиться, конечно же, не вникала в эти подробности.

Однако учеба ее продолжалась лишь два дня. То ли слишком много нового на нее свалилось (поди-ка упомни сразу все эти буквы да цифры!), то ли из-за шума и духоты в амбаре, но на второй день у нее так разболелась голова, что, вернувшись от мельника домой, Евдокия легла на кровать и пролежала так до ночи. На вопросы отца, «чего там с Дуськой стряслось», мать объяснила, что вот, дескать, с учебы этой вернулась и лежит, говорит, голова шибко болит. После чего тот сделал вывод: «На что нужна эта грамота, ежели от нее только здоровью вред? Нечего там больше делать! Да и деньги целее будут». На этом все образование Евдокии и закончилось. Ни отец, ни мать ее сами грамоты не знали, однако это не мешало им вести вполне крепкое хозяйство и жить довольно-таки даже богато по местным меркам. Ну, а уж коли сами, считай, жизнь так прожили, так и дети проживут.

«Кто бы знал тогда, что жизнь-то – вон она как повернется», – думала Евдокия, домывая пол и вспоминая отца. Его увезли на санях с тяжкой заемки в райцентр в декабре тридцать седьмого, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу.

«Эх, тятя, тятя, вот оно как все вышло-то». Конечно, с годами она худо-бедно выучилась и писать и считать: все-таки подсказали разные люди, чего да как. С письмом дело обстояло хуже, а с цифрами получше. По крайней мере, и десятки, и сотни могла складывать и отнимать хоть и медленно, но без ошибок. Только вот на счетах, чтобы так быстро да ловко – раз! раз! – как продавщицы в их магазине, – так она не умела.

Крепко выжав тряпку и расправив ее, Евдокия прислонила швабру к стене и подошла к прилавку, на котором возле весов стояли счеты. Потертая деревянная рама со вставленными в нее железными спицами, на которые нанизаны деревянные же костяшки. Она провела по счетам рукой. Быстро бросила одну костяшку пальцем в сторону, та звонко стукнула о раму. Евдокия кинула к ней еще пару таких же костяшек и, вздохнув, вернула их на место.

– Дуся, ты все? Управилась? – из двери, ведущей в подсобку, выглянул Прохор Лукич.

– Да, Прохор Лукич. – Евдокия отдернула руку от счетов и глянула на него. – Сейчас Клава придет, и я домой пойду.

– Можешь сейчас уже идти, я ее один доjdусь, – кивнул заведующий магазином.

Он был еще не очень стар и подпадал под призывной возраст, но на фронт его не взяли по состоянию здоровья. Будучи совсем еще молодым парнем, Прохор Лукич воевал с немцами в Первую мировую, был там травлен газом, поэтому легкие у него были не вполне здоровы. А если сказать честно, то совсем нездоровы: мужик начинал задыхаться, пройдя быстрым шагом каких-нибудь метров пятьдесят, поэтому и старался всегда ходить размеренно, не торопясь. Сидячая работа заведующего магазином, которую он освоил незадолго до начала войны, была ему в самый раз, и в этом плане его жизнь не особо изменилась в последние годы.

– Хорошо, – кивнула в ответ Евдокия.

Пройдя в подсобку, она сняла серый халат, накинула овчинный тулуп, вязаный платок и взяла ведро с грязной водой, чтобы выплеснуть на улице. Но вдруг поставила его обратно.

– Прохор Лукич... – Она нерешительно посмотрела на заведующего.

– Чего тебе? – Он оторвал взгляд от скучного прилавка промтоварного отдела и мельком глянул на нее поверх очков.

– Прохор Лукич, а покажите мне, как на счетах считать...

Заведующий удивленно повернулся к ней:

– Чего-чего? Зачем это тебе?

– Ну... мне интересно, – смутилась Евдокия.

Действительно, зачем это ей? Она и сама не знала, как объяснить внезапно появившееся желание. Хотя нет... Все же объяснить можно было, вот только она не осмелилась бы сейчас сказать об этом никому. Но внутри уже что-то тихонько подзуживало ее: «А что, ты хуже других, что ли? Они умеют, а ты что – дура совсем? Цифры ведь знаешь, считать как-никак умеешь, так, может, и на счетах выучишься. А там можно попробовать и в продавщицы попроситься. К тому же Зинка Вахрушева с продотдела как-то говорила, что хочет в райцентр переезжать со своими. Вот и место будет».

– Покажите, пожалуйста, Прохор Лукич. – Евдокия смущенно улыбнулась. – Я быстро пойму, вы только разок покажите мне, и все.

Тот пожал плечами:

– Ну что ж, раз интересно, давай покажу. – Он пододвинул к себе ближние счеты: – Смотри...

Евдокия подошла к заведующему и стала внимательно глядеть на костяшки, затаив дыхание. Нужно было запоминать все сразу, чтобы потом не переспрашивать и не выставить себя какой-нибудь бесполковщиной.

– Значит, так, – потеребил кончик носа Прохор Лукич. – С чего начать? Вот видишь, здесь четыре костяшки всего? На этой спице. – Он показал на счеты.

– Вижу, – чуть слышно сказала Евдокия.

– Так вот, плясать от них будем, только на них самих внимания не обращай. На них сейчас не считают, это раньше, когда полушки были да фунты вешали. Так что их не трогай вовсе. Нижний ряд тоже редко нужен. Мы в основном деньги считаем, а в рубле сто копеек, а там, на нижнем ряду, уже тысячные кладутся. Это только когда вес считаешь в граммах. Ну а дальше вот что...

И Прохор Лукич стал объяснять Евдокии, где и как надо класть единицы, десятки, сотни да тысячи, как их складывать, как перебрасывать костяшки с нижней спицы на верхнюю, если их не хватает, сколько при этом оставлять костяшек на нижней. Он показал, как считать, если речь идет о рублях и копейках, как можно на этих же счетах подсчитать общий вес чего-нибудь в килограммах да граммах, в центнерах и тоннах. Он ловко кидал костяшки вправо, влево, щелкал ими, как заправский фокусник.

Евдокия слушала и боялась проронить хоть слово. Она шевелила губами вслед за заведующим, беспрестанно кивала головой и теребила рукой кончик платка.

— Ну как, поняла? — Перестав щелкать костяшками, Прохор Лукич снова поверх очков посмотрел на уборщицу.

Та вздохнула:

— Ой, господи... Кажись, поняла... — Потом просительно глянула на заведующего: — А ежели еще спрошу, вы покажете? Ежели чего забуду?

— Да мне особо-то некогда учебой с тобой заниматься. Тем более не пойму, зачем тебе это... Так, от скучи, что ли? — Прохор Лукич отодвинул счеты на место.

В дверь постучали. Это была Клавдия. Она ввалилась в магазин и стала отряхиваться от снега, шумно при этом отфыркиваясь:

— Ну метет! Как дунет иной раз, так чуть с ног не валит! Вот же Новый год нынче, елки-палки. — Она хлопала себя по воротнику, по голове, и с нее на пол летели хлопья снега.

— Ну, ты чего?! — сердито крикнула ей Евдокия. — Я же только все вымыла, на улице не могла стряхнуть с себя?

— Ой, Дуська, погоди, — отмахнулась от нее Клавдия. — Дай хоть дух переведу. Да не сердись, ежели натает, я сама за собой подотру.

— Ну, смотри, коли так, я уж перемывать не буду. — Обернув концы платка вокруг шеи и запахнув полушибок, Евдокия попрощалась со всеми и вышла в темноту.

Она шла домой, закрывая лицо от колючего, больно бьющего в глаза снега, а перед ней мелькали руки Прохора Лукича. Руки ловко кидали костяшки по спицам счетов, а его голос при этом говорил: «Ежели, допустим, есть у нас рубль пятнадцать, стало быть, рубль кладем сюда, — он кинул одну костяшку влево, — а пятнадцать надо поделить на один десяток и пять. Десяток кладем сюда, — он кинул влево другую костяшку, пониже первой, — а пять здесь. — И он подвинул влево пять костяшек на спице ниже. — Поняла? — Не дождавшись ответа, он продолжал: — Допустим, надо сюда тридцать семь копеек еще накинуть. Стало быть, это получается три десятка и семь. Три десятка кидаем к одному, — он щелчком кинул три костяшки к одной, — а сюда семь. Но у нас тут уже пять лежит, стало быть, еще пять сюда добавляем, получается целый десяток, значит, копейки убираем вовсе, — он сдвинул десять костяшек, где лежали копейки, вправо, —

а к десяткам еще один накидываем. — И снова одна костяшка на спице повыше полетела влево. — Но мы ведь семь копеек прибавляли, а не пять, стало быть, две копейки еще осталось, их и кладем к копейкам. — И две костяшки от десяти, сдвинутых вправо, летят обратно в левую сторону. — И что имеем? А имеем в итоге рубль пятьдесят две. Понятно? Ничего сложного...»

«Ох, господи, господи... — шептала Евдокия, пробираясь среди снежных заносов к дому. — Ничего сложного ему нету. Мозги тут свихнешь. Ох, тошнено... Но другие-то ведь считают как-то, так чего же я — дура совсем? Неужто мозгов не хватит? Ладно, уж как-нибудь с Божьей помощью, поди, одолею».

И с тех пор каждый день, вымыв в магазине пол, Евдокия вставала у прилавка, доставала из мусорного ведра те самые бумажки с записанными на них химическим карандашом цифрами и складывала эти цифры, отнимала, снова складывала и снова отнимала, молча шевеля губами и хмуря брови. Костяшки при этом старалась двигать тихонько, чтоб те не гремели и не отвлекали Прохора Лукича. «Восемнадцать рублей — это десяток и еще восемь, — беззвучно проговаривала она и двигала костяшки, — еще потом двадцать семь шестьдесят, так... Ага, — она брала другую бумажку, заглядывала в нее, — потом еще три сорок восемь... — следующая бумажка, — уберем отсюда восемнадцать рублей да двадцать пять копеек...»

Иногда Евдокия представляла, будто к ней подходит покупатель и просит какой-нибудь товар. Она оглядывалась на прилавок, смотрела на цены и клала их на счеты, плюсуя все подряд. «Мыла три куска, так... спичек пять коробок... лампа керосиновая одна... керосину два литра...» Одно было плохо: некому было проверить, не ошибается ли она где. Но снова просить заведующего помочь она стеснялась.

...Позади уже был Новый год, Рождество и крещенские морозы, дело подходило к февралю. Несколько раз заведующий заставал ее за счетами и спрашивал, усмехаясь в усы: как, дескать, получается? Евдокия смущалась, краснела и, стряхнув костяшки, отодвигала счеты на место. Однако с каждым днем она чувствовала себя все увереннее и увереннее.

Однажды, это было в обеденный перерыв, Зинка Вахрушева из продовольственного отдела сказала, что родня в райцентре окончательно зовет ее с детьми к себе. Зинкин муж тоже был

на фронте, и жила она в деревне одна с двумя ребятишками – пяти и семи лет. А в райцентре жили мужнины дядя с тетей да их дочь. Они обещали помочь Зинке, даже сулили устроить на работу тоже продавщицей в тамошний универмаг. Вроде как была у них такая возможность.

– Каждый раз сердце кровью обливается, как на работу иду, – горестно качала головой Зинка, сидя на табурете за прилавком.

Она только что сбегала домой, проверила, как там дела, и, вернувшись, болтала с продавщицей из промтоварного Марьей Бронниковой да с Евдокией, которая уже вымыла пол и ждала окончания обеда, чтоб тоже бежать домой.

Марья заварила чай на белоголовнике и зверобое, и они втроем сидели тесным кружком, потихоньку отхлебывая из железных кружек уже успевший подостыть напиток.

– А ну как чего случится с ними? А ну как избу спалят или, наоборот, перемерзнут там одни? – продолжала Зинаида. – Иной раз соседку, бабку Шаповалиху, просила приглядеть, а тут и она слегла, простыла, что ли... У Дуськи вон хоть старики дома, всё ребятишки под присмотром, а у меня вообще одни. Уеду в райцентр я, девчонки, точно уеду. Вот январь доработаю и на расчет подам.

– А если не отпустят? Скажут сперва замену искать? – глянула на Зинаиду Евдокия.

– Как это не отпустят? – сжала та губы. – У нас что, крепостное право, что ли? Где я им ее найду, замену-то? Да я и не в колхозе состою, у меня паспорт на руках.

– Ну, вообще-то могут отрабатывать заставить, – вставила слово Марья.

– Да отрабатывать – это бог с ними, отработаю, сколько положено, ну и все. А замену пусть сами ищут! – Бабенка Зинка была языкастая и бойкая, перед начальством особо не пасовала. – Интересное дело, а если не будет никакой замены, так мне что, до самой смерти тут горбатиться? Нетушки, я законы знаю!

– Да ладно ты, – махнула рукой Евдокия и отставила кружку. – Я же так сказала, к примеру. Может, и будет какая замена да и отпустят тебя без волокиты. Может, и отрабатывать не надо будет.

– Ага, что-то я уже и вправду засомневалась, – нахмурилась Зинаида. – Раньше как-то и не думала об этом. Как бы действительно не пришлось тут куковать... Ведь кого они продавцом тут у нас найдут? В деревне одни бабки бестол-

ковые да ребятишки малые. А из баб грамотных-то нет никого, только навоз таскать умеют.

Из своей комнатушки вышел Прохор Лукич:

– Вы чего тут? Не болтались? Время-то уж открываться пора.

– Ой, прости, Лукич, – кряхтя, поднялась с низкого табурета Марья, – правда чего-то болтались мы, на часы не глядим. – И она пошла открывать магазин.

После этого разговора у Евдокии внутри словно натянулась струна. Она боялась подойти со своим разговором к заведующему, но понимала, что рано или поздно это придется сделать. Иначе ради чего все?

А пока она продолжала каждый день доставать из мусорной корзины бумажки с цифрами и считать по ним. Считать, считать и считать... Быстрее, быстрее, еще быстрее... Единицы, десятки, копейки, рубли, сотни, граммы, килограммы, добавить, отнять, перекидываем наверх, вниз. Быстрее, быстрее – раз! раз! И чтоб ни одной ошибочки, чтоб не к чему было придраться, чтоб никто не сказал, что она не умеет!

Через неделю, второго февраля, Зинка Вахрушева подала заявление на расчет. Подала в обед, а когда вечером Евдокия пришла на работу, застала подругу всю зареванную.

– Чего стряслось? – испуганно спросила она вытиравшую глаза Зинаиду.

«Уж не с мужем ли чего?» – мелькнуло в голове.

– Чего-чего, – сердито шмыгнула та носом. – Накаркали вы с Марьей – вот чего. Ищи, говорит, замену себе. – Она сердито накинула пальто. – А где я им тут продавца найду в такое время? К прокурору пойду, пусть воздействует. – Она переобулась в валенки и вышла из магазина, даже не попрощавшись.

Через пять минут закончила сверку с кассиршей и ушла домой Марья Бронникова. Получив доклад от Кузьмовны, что все в порядке, что цифры «бьют», Прохор Лукич закрыл выручку с кассовым отчетом в сейф и ушел к себе делать записи в бухгалтерских книгах.

Евдокия сходила за водой и стала мыть пол, однако мысли ее крутились только вокруг того, что Зинка уже написала заявление и что ей сказали искать замену.

«А что, если она сразу кого-нибудь найдет? – мелькало у нее в голове. – Завтра утром приведет кого-нибудь и скажет: вот, пожалуйста вам, вместо меня. Ой, господи! – У нее внутри все по-

холодело. – Нет, надо сегодня же к Прохору Лукичу подойти».

Вымыв пол, она глянула на часы – стрелки ходиков, висевших слева от входной двери, показывали без двадцати восемь.

«Быстро сегодня управилась», – подумала Евдокия и вытерла руки о полы халата. Еще какое-то время она постояла в задумчивости, но потом решительно встряхнула головой, выдохнула, мелко перекрестилась и пошла в подсобку, прошептав: «Господи, благослови».

Заглянув в комнатушку заведующего, который сидел над своими записями, она позвала:

– Прохор Лукич!

Тот поднял голову:

– Чего? Закончила уже? Ну так иди, я один сторожа дождусь, сейчас закрою за тобой. – Он поднялся со стула.

– Да нет, я не это хотела...

– А чего? – не понял заведующий.

– Прохор Лукич, вы не могли бы меня проверить?

– В смысле? Чего проверять?

– Ну, как я на счетах считаю. Проверьте, пожалуйста.

– Как на счетах считаешь? Да зачем?! Мне чего, делать больше нечего? Иди давай домой, раз вымыла. Не морочь мне голову, мне некогда. Давай закрою за тобой. – И он пошел в торговый зал вперед Евдокии.

– Прохор Лукич, ну пожалуйста. – Евдокия пошла за ним, но не к двери, а зашла за прилавок и взяла счеты.

– Да к чему это? – рассердился заведующий.

– Ну, вот Зинаида же на расчет подала, так, может, вы меня вместо нее поставите? – быстро выпалила она, стараясь не глядеть на Прохора Лукича.

Тот умолк и встал посреди зала.

– Ах вот оно что... Вот чего ты тут возле счетов каждый вечер отираешься. – Он медленно подошел к прилавку, за которым стояла Евдокия. – Значит, говоришь, тебя заместо Вахрушевой поставить? – Он задумался и оценивающе глянул на уборщицу: – А сколько у тебя классов образования?

Та опустила глаза:

– Нисколько.

– Как нисколько? Вообще, что ли, в школе не училась?

– Нет.

– Так как же я тебя возьму продавщицей, ежели у тебя даже трех классов нету?

– Да на что вам, Прохор Лукич, классы-то мои? Вы проверьте меня, и все! Зачем вам образование-то? Вы проверьте, как я считать умею. Может, я и не хуже их всех. – Евдокия сдвинула брови и мотнула головой в сторону, сердито глянув на завмага.

Назад отступать было уже нельзя, надо было идти до конца.

– Гм! – усмехнулся Прохор Лукич. – Ну, раз ты так просишь, давай проверю. Посмотрим, чему ты тут выучилась.

Евдокия придвинула счеты ближе.

– Хорошо, – кивнул Прохор Лукич, – положи мне триста двадцать три рубля шестьдесят две копейки.

И не успел он глазом моргнуть, как Евдокия кинула костяшки влево и выкрикнула:

– Вот!

– Ух ты какая шустрая! – глянул на счеты завмаг. – Ну что ж, правильно, только это ведь так, ерунда... Прибавь сорок четыре рубля девяносто девять копеек.

И снова Евдокия в мгновение ока бросила костяшки влево, вправо, снова влево.

– Вот! Триста шестьдесят восемь рублей шестьдесят одна копейка! – объявила она.

– Тихо, тихо, ты куда так гонишь-то? Я же не успеваю за тобой следить. Ты потише давай. – Завмаг обошел прилавок и встал рядом с Евдокией. – Скинь это.

Та наклонила счеты, и костяшки съехали вправо.

– Хорошо, клади заново, да помедленней.

И Прохор Лукич стал называть разные цифры, заставляя Евдокию складывать и вычитать десятки, сотни рублей, тысячи. Потом он называл ей разные веса, наблюдая, как она прибавляет к центнерам килограммы и граммы, получая тонны, потом опять центнеры и килограммы. Он заставлял ее объяснять, как она считает и почему у нее выходит именно этот результат.

Евдокия сперва смущалась, когда он сказал, чтобы она объясняла ему все свои действия, но потом быстро освоилась. Завмаг молча слушал и кивал.

– Ну что ж, Евдокия, молодец, – наконец улыбнулся он. – Ни разу не ошиблась.

Та радостно заулыбалась:

– Ну так что, Прохор Лукич, возьмете вы меня заместо Зинки?

– Да ты погоди, не гони так.

В дверь громко застучали, это пришла Клавдия.

— А вот и я! Прохор Лукич, извини, задержалась немного, — стала с порога оправдываться она, когда заведующий открыл дверь.

Часы показывали половину девятого.

— Ничего себе немного! Ты знаешь, что за опоздание на работу по нынешним временам бывает?

— Прохор Лукич... — скривила губы сторожиха, — да там у нас...

Тот махнул рукой:

— Да иди ты! Твое счастье, что вот Евдокию тут экзаменую, на время не гляжу. Но если еще такое повторится — вмог выпетишь с работы, а то и под статью угодишь! Понятно?

— Не повторится, Лукич, не повторится, — Клавдия примирительно заглядывала в глаза замагу, — слово даю. А чего ты Дуську экзаменуешь? Как полы моет, что ли?

— Не твоего ума дело... — сердито отвернулся от нее замаг. — Иди своим делом занимайся. Печку топить надо, весь магазин выстыл уже.

Клавдия торопливо засеменила в подсобку за дровами, а Прохор Лукич снова встал возле прилавка перед Евдокией:

— Вот смотри... Представь, что я покупатель. Мне надо крупы купить, цена которой двести сорок семь рублей за кило. А надо мне сто пятьдесят граммов. Посчитай, сколько будет?

Евдокия раскрыла рот:

— Это как же? Так, а...

И она, покраснев, опустила глаза. Потом сказала чуть слышно:

— Я не знаю...

Заведующий недовольно хмыкнул:

— Вот то-то и оно! Продавец ведь должен уметь не только складывать да отнимать цифры всякие, надо же еще уметь взвесить товар да посчитать его правильно. А ты: «Заместо Зинки меня берите...»

Евдокия стояла на месте и боялась пошевелиться. Как же так? Ей даже в голову не пришло, что ведь и правда надо еще и по весу цену уметь посчитать. Ведь товар разный бывает, не только фасованный, но и на вес отмерять приходится. Она повернулась и молча побрела в подсобку на ставших вдруг непослушными ногах.

«Вот дура-то, вот дура! В продавщицы собралась, ой, стыдобушка-то...» — думала она, стягивая с себя на ходу халат.

— Ты куда? — крикнул ей вслед замаг.

Евдокия остановилась и выдавила из себя:

— Домой пойду. Вы, это, Прохор Лукич, извините меня, что я... вас...

— Иди сюда быстро! — вдруг рассердился управляющий.

Евдокия подняла глаза, в которых стояли слезы:

— Зачем?

Ее нижняя губа начала подергиваться.

— Затем... Учить тебя буду, как весовой товар считать, вот зачем. — Заведующий пододвинул к себе счеты и снова посмотрел на Евдокию: — Ну, чего встала как вкопанная? Хочешь заместо Вахрушевой работать или нет? Если хочешь, так слушай.

У Евдокии перехватило дыхание.

Она быстро вытерла мокрые глаза рукавом, проглотила вставший в горле комок и шагнула к Прохору Лукичу:

— Я хочу... Прохор Лукич, вы говорите, я, это... Я сейчас все пойму, вы говорите только...

И заведующий стал объяснять. А Евдокия, как и в предыдущий раз, снова тихо стояла рядом, слушала его и боялась пропустить хоть слово.

— Поняла? — спросил ее замаг, закончив.

— Кажись, поняла, Прохор Лукич, — выдохнула Евдокия и боязливо глянула на своего экзаменатора. — Только мне бы попробовать на бумажках каких с недельку хотя бы, а то сразу вдруг чего не так пойдет?

Вместо ответа заведующий строго глянул на нее и сказал:

— Завтра придешь к девяти часам. Утра, конечно, а не вечера, понятно?

— Приду, Прохор Лукич. А сейчас-то чего делать?

— Чего делать... Домой иди, время уж десятый час. А то, поди, потеряли тебя дома-то. Утро вечера мудренее.

На следующий день, когда Евдокия пришла в магазин, заведующий позвал к себе ее и Зинаиду.

— Ну что? — хмуро глянул он на Вахрушеву. — Не передумала?

— Прохор Лукич, ну чего вы, в самом деле? Я же вчера еще все объяснила вам, — начала было та, но замаг остановил ее:

— Тихо, тихо... Понесла... С памятью у меня все в порядке, а спросить, не передумала ли, я обязан. Ясно? Замену я тебе подыскал.

— Как подыскал? — У Зинки от удивления расширились глаза. — Прохор Лукич, голубчик, благодетель ты мой, вот спасибо-то... И когда отпустишь?

— Да тихо ты, закудахтала. Не я, вон она твой благодетель, — и завмаг кивнул на Евдокию, — ей спасибо говори.

— Дуська? — повернулась Зинаида к подруге. — Ты? Правда? А чего молчала-то вчера? Ты умеешь, что ли?

— Значит, так, Зинаида, слушай меня внимательно, — начал завмаг. — Две недели ты все же еще отработаешь. За это время Евдокию должна будешь выучить так, чтоб ничем от тебя не отличалась. Понятно? Она и так уже много чего знает, но кое-что надо еще подучить. Она сама тебе скажет. Но предупреждаю сразу: если будешь дурочку валять, если через две недели она срежется на чем-нибудь, я тебя никуда не отпущу. Ясно? Так что это в твоих же интересах. Ну, думаю, тут тебе объяснять не надо. А ты, — посмотрел он на Евдокию, — будешь эти две недели и продавщицей стажироваться, и полы мыть, так как, понимаешь, штата у меня нет, чтоб тебя освобождать от уборщицкой работы. Понятно?

Евдокия согласно кивнула:

— Конечно, Прохор Лукич, это вы не сомневайтесь, это-то ерунда, помою, с меня не будет.

— Вот и ладно. А я за это время тебе замену в уборщицы кого-нибудь подыщу. Это попрошу будет, чем продавщицу найти. Если все ясно и вопросов нет, то шагайте, магазин открывать пора.

И началась у Евдокии другая жизнь. Первую неделю она целыми днями тенью ходила за Зинаидой и глядела, как та обслуживает покупателей, лезла к ней с расспросами, просила показать то одно, то другое. Надо сказать, что Вахрушева объясняла ей все до мельчайших подробностей, поскольку уже окончательно настроилась на переезд в райцентр и тому, что замена в лице Евдокии нашлась так скоро, была нескованно рада. Больше того, она сама подзуживала свою стажерку: «Ты смотри, Дуська, только не срежься на чем-нибудь, когда Лукич тебе экзамен делать будет. Если чего не ясно, так заранее спрашивай».

На второй неделе они поменялись местами. Евдокия самостоятельно выполняла всю работу продавщицы, а Зинаида следила, чтобы она не допустила какой-нибудь ошибки. Но придраться было не к чему.

В обед и вечерами Евдокия мыла полы, и дома ее в эти дни вообще почти не видели. Все заботы по дому легли на плечи стариков, но куда было деваться? Да и ребятишки, хоть и малые, все понимали, старались не доставлять лишних

хлопот ни матери, ни дедам. А сама она и не знала уже — то ли радоваться, что ее мечта стать продавщицей совсем близка, то ли бояться, что там дальше будет. Ведь и потом дети будут больше со стариками, чем с ней. Они и так уже давно зовут их не дед да баба, а мама старая да папа старый.

Вечерами сильно болела голова, но она понимала, что это с непривычки, что это от новой работы, когда приходится много думать и без конца считать, считать да еще и перепроверять, чтобы не ошибиться. Ложась спать, она вздыхала и молила Бога, чтоб помог пережить это время.

Так прошло две недели. И вот в конце рабочего дня Прохор Лукич вышел в торговый зал.

— Ну что, готовы экзаменоваться? — глянул он на стоявших за прилавком Евдокию и Зинаиду.

Зинаида усмехнулась:

— А мы, Лукич, как пионеры, всегда готовы!

Она и вправду была уверена в своей стажерке на все сто, если только та сама где-то не слупит от волнения.

Евдокия не слупила. Хоть и волновалась, конечно, но не смог заведующий подловить ее ни разу. В стороне от прилавка, за которым стояла Евдокия, словно зрители, выстроились в ряд Зинаида и Марья с кассиршей, не ушедшие, как обычно, сразу после работы домой.

Прохор Лукич гонял экзаменуемую, как говорится, вдоль и поперек. И то ему взвесь, и это посчитай, и другое отмерь, да сколько выйдет товара на столько-то рублей, и отложи сперва три кило, убери потом половину, да добавь другого...

Наконец он замолчал, поправил на носу очки и повернулся к зрителям.

— Ну, что скажете? Кузьмовна, ты с деньгами у нас больше всех общашься. Не подведет? — обратился он к кассирше.

— Да ну, Лукич, сам не видишь, что ли? Чтоб девка без опыта да образования так считала, я ни разу не видела. И опытный бы кто сто раз ошибся, как ты ее тут гонял!

— Ладно... Конечно, тут все ясно, это уж я так... — Завмаг улыбнулся и снова глянул на Евдокию: — Ну иди, продавщица, пиши заявление о переводе на новую работу.

Губы у Евдокии мелко задрожали. Опустив голову, она молча села на табуретку, закрыла лицо руками, и плечи ее затряслись.

— Дуська, да ты чего? — подскочила к ней Зинаида. — Радоваться надо, а она ревет!

Подняв подругу, она прижала ее к себе и повела в подсобку...

Поздно вечером, когда в избе все улеглись, Евдокия закрыла глаза и устало вздохнула: «Ну что, Андрей, вот твоя жена и продавщицей стала. Без единого класса образования. Можешь гордиться мной. Сейчас-то уж я наших детей подниму, ты не сомневайся... Ты там не волнуйся за нас, сейчас-то мы проживем...»

СТЫДНО...

Иван Черемных повернулся на бок и глянул на часы – было начало второго ночи.

«Елки-палки, да что же это такое? Никак не уснуть...» Он поправил одеяло, улегся поудобнее и подоткнул под щеку подушку в надежде забыться. Уже пятую ночь кряду он ворочался по несколько часов, прежде чем уснуть. Ивана мучила совесть, ему было стыдно.

Месяц назад он отпраздновал свое пятидесятилетие. Спокойно, в домашнем кругу, как говорится, без лишней помпы. А чего тут особо веселиться? Как ни крути, а понимаешь, что впереди-то уже много меньше, чем позади. В эти годы человек живет размеренно, все у него разложено по полочкам, все на своих местах, в том числе и совесть. Он уже не совершает необдуманных, глупых поступков, за которые потом придется стыдиться, он живет да живет себе, вот и все...

Но с Иваном случилась одна закавыка, из-за которой он и потерял покой. Вдруг ни с того ни с сего он вспомнил один случай из детства, который и разбередил душу. Столько лет не помнил – и тут на тебе, вылезло... А вспомнил он вот что.

Случилось это, когда Ивану было лет одиннадцать-двенадцать, не больше, лет сорок уже прошло. Жил он тогда в большом городе, но каждое лето ездил на каникулы в деревню к деду и бабушке. Любил Иван эту деревню, даже считал себя больше не городским, а деревенским. И жил еще там с семьей его дядя, брат матери. Звали его дядя Толя, и был у него сын Сергей, старше Ивана года на четыре. Так вот, Сереге родители на успешное окончание восьмилетки купили мопед, «Верховину-6». Это была мечта любого деревенского пацана в то время. Свой мопед – это свобода! Это значит – взрослый ты совсем. Езжай куда хочешь, крути ручку газа хоть до упора, и только ветер в лицо! Нет, это не передать словами, это надо самому попробовать.

И как-то Иван выпросил у Сереги прокатиться на его «верховине». Чтоб самому, совсем без никого. До этого Иван уже катался на мопеде, но под присмотром: или Серега сзади сидел, подстраховывал, или один, но на лужайке перед домом. На этот раз, поддавшись на уговоры младшего брата, Серега великодушно разрешил Ивану прокатиться по деревне. Однако с условием: сделать всего один круг и чтобы не выезжать в центр села, а только по окраинным улицам, где нет машин и заезжих гаишников.

Как же Иван был счастлив! Выжать ручку сцепления, включить передачу и аккуратненько, добавляя понемногу газ, – вперед! Вот она – свобода! Дома мимо проносятся, куры, утки, а ты мчишься по улице, поднимая клубы пыли. Сам! Не сидишь в коляске или позади взрослого, обхватив его руками, а сам! Сам газуешь, сам рулишь куда хочешь. Эх!..

В общем, сделал счастливый Иван кружок по деревне и вернулся к дому дяди Толи. Смотрит, нет Сереги во дворе, наверное, в дом зачем-то зашел. И сразу же мысль в голову: «А не махнуть ли на второй круг? Все равно ведь никто не видит. Докажи потом, что два раза ездил... Может, просто медленно ехал или останавливался». Повертел Иван головой по сторонам – нет никого. Собрался уже было рискнуть, но тут, как назло, из-за угла выскочил на своем мотоцикле с коляской дядя Толя. Подрулил лихо к воротам, заглушил технику.

– Ванька, здорово, – кивнул племяннику.

– Привет, дядя Толя, – отозвался Иван, по-прежнему сидя на «верховине».

Дядька распахнул ворота во двор, открыл гараж и, вернувшись к своему мотоциклу, глянул на Ивана:

– Слушай, помоги мотоцикл в гараж затолкнуть, а?

И вот тут-то Иван замер.

«А вдруг Серега сейчас выйдет? – скажется у него внутри. – Пока буду дяде Толе помогать мотоцикл заталкивать, он выйдет и заберет мопед». Иван поерзал на сидушке.

– Ну, так чего, – дядя Толя взялся одной рукой за руль, другой за ручку на сиденье, – поможешь?

Но страстное желание прокатиться еще разок уже захватило Ивана целиком. Он сделал вид, что толком не расслышал дядьку, отвернулся голову, буркнул что-то себе под нос и, дав газу, поскорее уехал прочь.

Что было дальше, память не сохранила, на этом воспоминание заканчивалось. Но вот это все: как радостно гнал он на мопеде, как навалилось искушение сделать еще один круг, как просил его дядя Толя помочь, а он постыдно сбежал – вспомнилось в мельчайших подробностях. Словно случилось все только вчера. И стало Ивану как-то ужасно стыдно. «Вот же я свинья какая, – говорил он себе, нахмутившись, – свинья натуральная и есть. Как же так-то? Ведь дядя Толя помочь просил, а я... Прокатиться ему захотелось».

При этом он понимал умом, что казниться за мальчишеский поступок, совершенный сорок лет назад, по меньшей мере глупо. Плюнуть да растереть – делов-то! Но поди ж разбери, как устроена человеческая совесть. Как ни гнал он от себя эти мысли, как ни убеждал себя, что дядька, скорее всего, даже и не обиделся на него тогда, а если и обиделся, то давным-давно позабыл, – ничего не выходило. Скоблит изнутри, собака, царапает. Днем еще ничего: закрутившись на работе, пятое-десятое – оно как-то и не помнится. Но как в койку вечером ложился, так сразу все опять вспоминалось, и сон, который уже вроде бы накатывал приятной волной, испарялся как утренний туман. И крутилось в голове все это – лето, каникулы, мопед, деревня... И казалось, что дядька, который по сей день был жив и в меру своего возраста здоров,помнит о том случае и держит на него, Ивана, обиду.

В общем, промучился так Иван неделю и решил: надо ставить в этом деле какую-то точку. Рассказал обо всем жене, но та только посмеялась над ним:

– Совсем, что ли, рехнулся на старости лет? Сорок лет уже прошло... Выкинь из головы, да и все.

– Легко тебе говорить! – возмутился Иван, сердито взмахнув руками. – Я и сам бы рад позабыть все это, так оно же только что вспомнилось! И сидит, зараза, как заноза в мозгу и покоя не дает.

– Ну, так и чего сейчас? – тоже начала заводиться жена. – Извиняться побежишь, что ли? Так дядька тебе первый скажет: дурак ты, Ванька, вот ты кто.

Иван сел на стул, положил руки на колени и вздохнул:

– Сам не знаю... Хоть правда езжай да извиняйся...

Дядька жил в той же самой деревне, что и тогда, сорок лет назад, только в другом доме. А вот Иван из своего города детства переехал в соседнюю область, в городок, откуда родом была его жена. И до деревни сейчас было в два раза дальше, порядка пятисот верст.

– Ну щас, ага, – закивала жена, – бензин дешевый некуда? Ничего, само рассосется...

Не рассасывалось. Прошла еще неделя, но по-прежнему Иван ворочался ночами, по-прежнему мучила его совесть. Даже, казалось, злее стала, и будто бы что-то мучило вдобавок, но вот что – он не понимал.

Он хотел сперва позвонить дядьке, но потом подумал: как такой разговор по телефону-то строить? «Дядь Толь, ты помнишь, сорок лет назад я не помог тебе мотоцикл в гараж затолкать? Так ты извини меня». Да ну, дурость какая-то, морщился Иван, лежа под одеялом и мучаясь от бессонницы. Он садился на кровати и подолгу смотрел в темное окно на луну, освещавшую голые еще ветки деревьев. «Полнолуние еще, как назло!» – тихонько ругался Иван и снова укладывался под теплый бок жены в надежде заснуть.

Наконец он не выдержал.

– Все, плевать мне! – заявил он как-то утром. – Вот майские через три дня начнутся, и махану в деревню. – Жена только открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку и остановил ее: – Все! Я сказал! Хошь смейся, хошь нет. Считай, что просто поеду родню попроведать. А то и правда уже сто лет не виделись.

– А огород копать? – все же напомнила жена.

– Подождет твой огород. Да и чего его сейчас копать? Земля еще как следует не оттаяла. Первого числа пораньше выеду, часам к одиннадцати на месте буду. Денек погощу, а второго назад, к вечеру вернусь. Ничего за два дня не случится.

Жена махнула рукой и не стала перечить. Может, и правда – пусть съездит да успокоится, а то уже испыховался весь с этой совестью своей.

...Когда Иван в начале двенадцатого подрулил к дому, где жил дядя Толя, тот сидел на лавке возле калитки, грелся под скромным теплом первомайского солнца.

Увидев племянника, он раскрыл рот от удивления:

– Вот так явление Христа народу... Ванька, ты, что ли? Это каким же ветром тебя в наши края занесло? Однако, снег завтра выпадет.

Иван вышел из машины, улыбнулся:

— Здорово живем, дядь Толы! Вот решил на конец родину попроведать. А то уж сто лет не был, все по телефону да по телефону.

Дядька поднялся:

— Милости просим... Молодец, что приехал.

Они обнялись.

— Я уж думал, помру, так и не повидаюсь с тобой.

— Да ты чего, помирать собрался, что ли? Рано тебе еще.

Дяде Толе летом должно было исполниться семьдесят восемь, но для своих лет он выглядел вполне неплохо: бритый, не сгорбленный, без палочки, одет опрятно и чисто.

— Так кто его знает, когда рано, когда нет... Ну что, в избу сразу пойдем или здесь еще посидим? — Он кивнул на лавку.

— Давай здесь посидим, погода хорошая сегодня, — сел на лавочку Иван. — И так всю зиму в избах просидели, надоело уже.

— Ты как, надолго? — поинтересовался дядя Толя. — Погостишь хоть?

— Да нет, завтра обратно надо уже... Где-нибудь в обед поеду.

— Завтра? Всего-то на ночку и приехал?

— Так и то еле вырвался! Сам же понимаешь: огород сейчас начнется, по гостям-то разъезжать особо некогда.

— Ну-у, — разочарованно протянул дядька, — я-то думал, погостишь хоть недельку...

— Какая неделька, дядь Толь? На работу через четыре дня выходить.

На улицу вышла тетя Лена, жена дяди Толи.

Увидев Ивана, всплеснула руками:

— Ой какие гости! А я вижу, машина какая-то незнакомая подъехала. Думаю, кто там такой? Так, а чего вы тут-то сидите? Старики, ты чего гости в дом не ведешь? Пойдемте в избу.

Она взяла во дворе какие-то тряпки, висевшие на веревке, и ушла с ними обратно в дом.

Посидели еще немного, поболтали о том о сем. А у Ивана в голове все крутилась мысль, как же аккуратнее подобраться к тому, ради чего он приехал.

Наконец, усмехнувшись, он сказал:

— Слушай, дядь Толь, мне тут штука одна вспомнилась на днях, не поверишь... Всю жизнь не помнил, сорок лет назад уже было, а тут на тебе! И стыдно потом стало прям не знаю как...

— Стыдно? А чего такое? — глянул на племянника дядька.

— Да вы еще в старом доме своем жили. Помнишь, Сереге мопед покупали, «верховину»?

Дядька пожал плечами:

— Помню вроде... Только не очень. А чего там случилось?

И Иван слово за слово рассказал дяде Толе все, отчего не мог спать последние дни. Старался говорить с юморком, со смешками, как о ерунде какой-то, но потом все же глянул на дядьку виновато:

— И ты понимаешь, так совестно стало перед тобой, что аж сон потерял. Вот же ж, думаю, как я поступил-то по-свински...

Дядя Толя посмотрел на него удивленно:

— Так ты за-ради этого и приехал, что ли? Извиняться?

— Да нет, почему... — смущился племянник. — Это так, к слову сейчас пришлось. Попроведать решил, вот и приехал. Соскучился...

— Ну-ну... — протянул дядька, снова глянув на Ивана. Чуть помолчав, он крякнул и сказал: — Беги в магазин. Так просто не получится.

Иван немного растерялся:

— В смысле — не получится? Что? Встречу обмыть, что ли? Так сейчас сбегаю, не вопрос...

— Да при чем тут встреча? Ты думал, извинился так вот — и все? Думал, я забыл про тот случай? Ага, щас... Это ты через сорок лет только вспомнил, а я... — Он снова крякнул. — Только тут одними словами сейчас не отделаешься... Так что беги.

«Вот те на... — ошарашенно подумал Иван. — Неужели и вправду дядька обиду тогда затаил и все это время помнил? А я-то, дурак, еще гнал от себя эти мысли, забыть снова хотел. Хорошо, что все-таки приехал. Лучше уж, как говорится, поздно, чем никогда».

Он поднялся с лавки:

— Ну, так я, это... сбегаю, что ли?

Дядька поднял на него глаза:

— Я думал, ты уже убежал. Давай беги, да лучше думай, как извиняться будешь. Честно скажу тебе, обидел ты меня тогда крепко, Ванька. Хоть и пацан ты был, да я же видел, с какими глазами ты бросил меня там одного с мотоциклом, а сам усвистал на мопеде этом. Эх, племяш, племяш... Ладно, хоть сейчас вспомнил. А то я уж думал, так и помру с этим... — Дядя Толя нахмурился, кряхтя, встал и, отвернувшись, высыпался под забор.

— Ну ладно, пошел я тогда... — промямлил Иван.

— Так сгоняй на машине, быстрее будет, — посоветовал дядька.

— Да ну... Лучше прогуляюсь. Насиделся, пока к вам сюда ехал. — И племянник зашагал в сторону центра села, где находились все магазины.

Войдя в ближайший продуктовый, он стал разглядывать витрину с алкоголем.

«Водки взять? Да как-то слишком уж дешево получится, несерьезно. Ведь, выходит, и вправду виноват я перед дядькой, раз он до сих порпомнит. Коньяк, может, тогда?» В конце концов он остановил свой выбор на довольно дорогой, пыльной (видно, долго стояла) бутылке коньяка с пятью золотыми звездами на тисненой этикетке. Взял еще каких-то пряников, коробку мармелада и булку хлеба на всякий случай.

Когда Иван вернулся, на улице никого не было. Оншел в дом. Дядя Толя сидел перед телевизором, смотрел какую-то передачу, тетя Лена хлопотала на кухне, готовя обед.

— Ну вот... — Иван поставил полный пакет у стола. — Взял тут маленько...

— Да зачем? — взмахнула руками тетя Лена. — У нас же есть все, я с утра уже в магазин сбегала.

— Ничего... Пусть лежит, съедим.

— Ой, ты кого тут взял-то? — Тетя Лена достала бутылку коньяка. — Дорогущий, наверное?

Иван небрежно махнул рукой:

— Ничего, не дороже денег.

Вскоре сели к столу, который тетя Лена заставила угощеньями под завязку.

Иван открыл бутылку, разлил по рюмкам,глянул на дядьку, спросил:

— Так за что выпьем-то? За встречу сперва или за праздник?

— Ну, ежели ничего более важного нет, так и за это можно, — хмуро ответил тот.

Иван смутился:

— Ну, это... Ладно, давай уж сперва тогда за то, что ли? Ты извини меня, дядь Толь, что я тогда так...

Тетя Лена ничего не понимала. Она посмотрела сперва на мужа, потом на племянника:

— Ты о чем это? Кого извинить-то?

Дядька молча глядел в пол.

— Да тут... — замялся Иван, — давно это было, тетя Лен... Меня тогда дядя Толя попросил помочь ему мотоцикл в гараж затолкать...

— Ну и чего? — не понимала тетка.

— Ну а я не помог ему. На мопеде покататься охота было, вот и уехал.

— Ничего не пойму. — Она глянула на мужа. — Куда уехал? Какой мотоцикл?

— Так сорок лет уж прошло. Думал, дядя Толя позабыл уже, а оказывается — нет. Обидел я его тогда, да забыл сам. А сейчас вот вспомнил.

— Чего? — снова повернулась к мужу тетя Лена. — Старик, ты, что ли, обиделся? На Ивана? Сорок лет назад?

И дядька не выдержал, расхохотался. Хохотал так, что казалось, со стула сейчас скатится на пол. Схватился за живот, согнулся и хохотал во все горло.

— Ты чего, дед, с катушек съехал? — тоже улыбнулась тетя Лена и пихнула его рукой в плечо. — Ты чего тут устроил?

Иван сидел ничего не понимая. Он как-то глупо улыбнулся и поставил рюмку на стол.

— Ой, не могу! Ну, племяш, рассмешил ты меня, — наконец выдавил из себя дядька, утирая с глаз слезы. — Ну и балбес же ты, Ванька! Поверили, что я на него всю жизнь обиду держу за мотоцикл какой-то. — Он снова захохотал.

— Так ты чего? — Иван тоже засмеялся. — Комедию мне разыграл, что ли? А я-то уж и вправду подумал: обидел дядьку на всю жизнь.

— Ты слушай его больше! — Тетя Лена махнула рукой в сторону мужа. — Он тебе еще не то наговорит...

— Ну уморил. — Дядя Толя наконец-то успокоился. — Да как ты только поверили, что я на тебя мог обиду затаить да еще и всю жизнь держать ее? А, Ванька? Ты там сбрендил совсем, что ли?

— Да ну тебя, дядь Толь. — Иван снова взял рюмку. — А я почем знаю? Говорю ж тебе, меня совесть загрызла. А вдруг, думаю, и ты помнишь по сей день?

— Давай, — дядька поднял рюмку, — за встречу... Так ты и коньяк дорогущий купил, чтоб сподручней извиняться было? — Он снова хохотнул.

— Ну а как? — улыбнулся Иван, у него словно камень с души свалился. — Не водку же брать для этого?

Втроем выпили раз, другой.

Потом тетя Лена убрала свою рюмку:

— Мне хватит. За встречу да за праздник, и все. Да и ты бы, дед, не налегал шибко-то.

— Ничего... Когда я еще такого коньяку выпью? — Глаза у дяди Толи уже чуть-чуть заблестели. — Когда еще племянник передо мной извиняться будет? Дай маленько-то покуражиться.

Дальше сидели и просто болтали. Вспомнили всю родню, тех, кого уж нет в живых, и тех, кто еще остался. У Ивана на душе сделалось легко-

легко. Он сидел, улыбался счастливой улыбкой и добрыми глазами смотрел на дядю с тетей.

— Балбес!

Дядя Толя постучал Ивана пальцем по лбу. Он захмелел.

— Ты же мне кровный! Мы же родня с тобой самая что ни есть близкая. Как же я могу на тебя обиду держать за ерунду какую-то?

— А то родные не обижаются друг на друга! — возразил племянник.

— Обижаются... Потому что дураки. А мы-то с тобой умные должны быть!

Ближе к вечеру пришел Серега с женой: им позвонила тетя Лена и сказала, что приехал Иван. Брат, отслужив в армии, вернулся в родную деревню, женился на бывшей своей однокласснице, и сейчас они жили здесь же, через улицу. Принесли с собой тоже кое-чего — отметить встречу и Первомай.

Дядя Толя, выпив еще рюмку коньяка, от спиртного отказался и просто сидел за столом, пил чай и с улыбкой смотрел, как братовья, перебивая друг друга, что-то рассказывали, вспоминали детство, смеялись.

— Слушай, Ванька, а давай споем с тобой, а? — предложил Сергей. — Но не эти вот дурацкие, которые сейчас поют, ерунду всяющую, а что-нибудь старое, что наши деды да родители пели. А?

— Давай споем, — согласился тот. — Вот эту вот давай, «позабыт, позаброшен» которая.

— Давай...

— Да ну вас, — возразила Серегина жена. — Шибко она грустная какая-то да тоскливая. Лучше другое что-нибудь спойте.

— А какая жисть была, такие и песни пели, — возразил в свою очередь Серега. — Так что слушай...

И братья, обнявшись, затянули:

*Как в саду при доли-и-ине-е-е
Громко пе-е-ел со-оло-о-ове-е-ей.
А я, мальчик, на-а чу-ужби-ине-е
Позабы-ыт от лю-ю-юде-е-ей.*

Когда они допели, в гости подтянулись соседи — муж с женой, годами чуть постарше Ивана с Сергеем, тоже не с пустыми руками. Мужик был уже слегка навеселе. Увидев у соседского дома чужую машину, он понял, что там гуляют, ну и решил не пропустить такое мероприятие. Жена же пошла с ним, больше чтоб проконтролировать, дабы он не перебрал.

Мужики сидели за столом, громко болтали, обсуждали политику. Женщины послушали, послушали да и ушли от них на кухню. Сергей с отцовским соседом убеждали Ивана оставаться еще на пару деньков, но тот лишь упрямо мотал головой и тяжело вздохнул.

— Ваньша, оставайся, брательник, — говорил Сергей. — На рыбалку маханем, сейчас разлив, сетешку бросим.

— Не, не, — отмахивался Иван, — мне на работу пятого числа надо, а еще дома дел полно.

Спели все вместе еще песню, на этот раз «У солдата выходной». Серега кричал, что она у него самая любимая, перечить ему не стали, спели. Потом опять обсудили правительство, международное положение, вспомнили футбол с хоккеем, не без этого...

Наконец часам к восьми деревенские гости разошлись по домам. Иван сидел, поставив локти на стол и положив голову на руки. Большого опьянения не было — так, приятный хмель, когда на душе тепло и покойно, когда всех вокруг любишь и хочется этих всех расцеловать.

— Эх, как же хорошо... — улыбнулся он и повернул голову к дядьке, который сидел рядом на диване. — Дурак я, что давно не приезжал к вам. Это уж сколько? Лет пятнадцать, однако, не был? А родина ведь здесь как-никак... Ведь и вправду соскучился по всем по вам. Сейчас только понял, как сильно соскучился.

— А выходит, племяш, если б не вспомнил ты тот случай с мопедом, так и не приехал бы сегодня? — подмигнул ему дядька.

Иван тяжело вздохнул.

— Не знаю, дядь Толь, врать не буду. Может, и не приехал бы, — печально покачал он головой. — То одно, то другое, то работа, то хозяйство. Одним словом, суета сует... На рыбалку сходить, с удочкой на бережку посидеть и то некогда.

— Ну что ж... Стало быть, не зря тебе память выдала из закромов своих, а? Чтоб приехал ты да чтоб повидались хоть... А стыдно бы не стало, так и не вспомнил бы дядьку своего. Так ведь?

Племянник серьезно посмотрел на дядьку вдруг погрустневшими глазами:

— Слушай, дядь Толь, а мне сейчас и за это стыдно стало. Ну... за то, что не был давно. Вот елки-палки... — Он закрыл глаза и, повесив голову, помотал ею из стороны в сторону. — И вправду, стыдно...

Наутро Иван позвонил жене и сказал, что останется у дядьки еще на ночку, что домой приедет третьего.

ГИТАРИСТ

Вдоль стены конференц-зала пансионата «Жемчужный» в два ряда стояли стулья, на которых сидело человек десять. Окна в зале были плотно зашторены, и включенные через один светильники тускло, вполсильы освещали невысокого мужчину с гитарой, стоявшего перед слушателями. Ему было лет пятьдесят пять, может, чуть больше. На лице его явно читалась усталость, особенно в глазах, которые он время от времени широко раскрывал, начиная при этом часто-часто моргать, словно пытался избавиться от чего-то мешавшего.

– Ну и в завершение своего выступления я хотел бы исполнить еще одну песню тех лет. – Мужчина провел ладонью по коротко стриженным волосам, изрядно побитым сединой, потом поправил гитару. – Думаю, многие из вас должны ее помнить, она была довольно популярна. А исполнял ее вокально-инструментальный ансамбль «Пламя». Называется песня «Мы строим БАМ», автором слов был талантливый журналист Виталий Петров.

Ударив по нейлоновым струнам, он сыграл небольшое вступление и запел:

*Рельсы упрямо режут тайгу,
Дерзко и прямо, в зной и пургу.
Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный, а короче – БАМ.*

Голос у мужчины был довольно приятный. Пел он спокойно, ровно, без надрыва, не забывая время от времени бросать взгляды на сидевших перед ним людей и кивать им, призывая подпевать. Зрители – все люди явно пенсионного возраста – кивали в ответ, улыбались, кто-то тихонько притоптывал, а некоторые действительно пробовали подтягивать слова песни.

*И сквозь туманы, и сквозь года
До океана помчат поезда.
Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный, а короче – БАМ.*

Закончив петь, гитарист в последний раз ударил по струнам и поклонился захлопавшим зрителям.

– Спасибо. Спасибо большое, – кивал он с усталой улыбкой.

– Только, кажется, у нее название было просто «Строим БАМ», без «мы», и пели ее, как я помню, «Самоцветы», – вставая со стула, сказала ярко накрашенная, загорелая до черноты морщинистая женщина в широкополой пляжной шляпе.

Гитарист пожал плечами:

– Вполне возможно. В то время одну песню могли разные группы исполнять: «Пламя», «Самоцветы», «Веселые ребята», «Лейся, песня»... Просто аранжировки немного отличались.

– Я помню, эту песню еще гимном БАМа называли, – закивала другая женщина – в больших роговых очках и длинном, до пола, цветастом платье. – А вообще-то – да, хорошие песни тогда были, не то что сейчас. Ерунду всякую поют, бормочут чего-то, а чего – и не поймешь. И ругаются, и матерятся со сцены. – И она сердито покачала головой.

– Ой, и не говорите. – Женщина в пляжной шляпе тоже нахмурилась и махнула рукой. – Всё развалили, всё... Ни песен, ни музыки хорошей не стало. А раньше другое дело было. – Улыбнувшись, она кивнула гитаристу: – Спасибо вам большое за выступление, как в молодости побывали.

83

Тот улыбнулся в ответ:

– Вам спасибо, что пришли. Всего вам доброго и хорошего отдыха.

– Спасибо. Спасибо...

Когда все потянулись к выходу, а гитарист стал укладывать инструмент в потертый кофр, к нему вразвалку подошел грузный, с большим животом мужчина, который до этого все выступление молча сидел на стуле с краю.

– А я вас сразу узнал, – тяжело дыша, произнес он грубоватым баском. – Я еще два года назад вас слушал.

– Да? – улыбнулся гитарист. – Ну что ж, я рад.

– Только в другом месте это было, в «Чайке» я тогда отдыхал.

Не зная, что ответить, музыкант чуть покал плечами.

– И вы тогда, кстати, те же самые песни пели. Я думал, вы хоть сегодня что-нибудь новенькое споете, а все то же самое опять.

Гитарист немного смущился и виновато развел руками:

– Так, наверное, совпало. Просто у меня есть подборка именно ретропесен, и я время от времени с ними выступаю. Ну и сегодня вот...

— Да? А я уж думаю: ну мужик дает, одно и то же каждый раз шпарит.

— Да нет... нет, конечно же. — Гитарист смущенно переступил с ноги на ногу и посмотрел по сторонам. — Совпало так...

— Ну, ладно. Счастливо тогда. — Толстяк протянул ему ладонь.

Музыкант пожал руку и кивнул:

— Спасибо, вам всего хорошего.

Застегнув кофр, он сел на стул и с силой потер глаза. В последнее время они не давали ему покоя. Знакомый врач из санатория сказал, что это нервное, что-то наподобие тика. Что ж, вполне возможно. А проходил этот тик только после изрядной дозы. И самое неприятное во всем этом было то, что именно пить-то ему и не хотелось, но без алкоголя проявления тика становились все сильней.

Поднявшись, музыкант энергично тряхнул головой, взял кофр и, выйдя из конференц-зала, пошел по коридору к двери с табличкой: «Арт-директор».

— Ну что? Все? — поднял на гитариста глаза плотный лысый мужчина с пышными усами, сидевший за письменным столом перед ноутбуком.

— Все.

— Сколько народу сегодня было?

— Да сколько... Сколько их всегда бывает? Человек пятнадцать от силы.

Гитарист прислонил кофр к стене.

— На вот, держи. — Мужчина достал из выдвижного ящика стола и протянул музыканту свернутый лист бумаги, зажатый скрепкой.

— Сколько тут?

— Как обычно, — пожал плечами арт-директор и снова повернулся к ноутбуку.

— Слушай, Петрович, может, добавить уже пора? Цены-то на все растут, а на эти деньги уже только раз в магазин сходить можно.

— Анатолий, ну ты как маленький прямо... Где я тебе больше возьму? Если бы мы с этих отдыхающих за твои концерты деньги брали, тогда и разговор был бы другой, а так... Галочку только поставить, что мероприятие провели. Да чего я тебе рассказываю, первый год, что ли...

— Вот именно, что не первый, а деньги все те же. Петрович, ну поговори с главным, пусть хоть процентов двадцать накинет. Ваши-то цены каждый год растут, да не один раз. В «Светлане» с «Чайкой» и то больше платят.

— Толь, ну так пой у них, елки-палки. — Арт-директор опять посмотрел на гитариста.

— Я и так пою, но каждый день ведь не будешь у них петь. Все равно самое частое — раз в две недели.

— Ладно, Толь, хорошо... — Усатый поморщился и махнул рукой. — Ну правда, сколько можем, столько и платим.

Гитарист развернул лист бумаги и, взяв деньги, сунул их в карман брюк.

— В подземном переходе и то, наверное, больше зарабатывают, — тихо пробормотал он себе под нос.

— Чего? — снова оторвался от ноутбука хозяин кабинета.

— Ничего, так я...

Взяв кофр, Анатолий буркнул: «Пока» — и вышел прочь.

Настроение было не очень. Оно всегда у него портилось после того, как он получал деньги за свои выступления. Конечно, в целом за месяц он наскребал сумму, позволяющую жить более-менее нормально, но это — в целом. А если посмотреть, сколько ему платили за одно выступление, то действительно было до обидного мало. Поэтому-то и приходилось ему чуть не каждый день выступать в дюжине разных санаториев, пансионатов и домов отдыха, обходя их по кругу один за другим. Да и уставать он стал в последние годы значительно больше. Словно села батарейка, раньше дававшая ему силы и энергию.

Выходя на улицу, Анатолий посмотрел на клонящееся к горизонту августовское солнце. Погода была хорошая, и в голове мелькнула мысль: «Может, испкупнуться немногоА то на море живу, а нынче всего-то один раз и купался». Но потом решил отказаться от этой идеи: оставлять без присмотра кофр с гитарой было небезопасно, всякое случается. И он пошел домой.

Жил Анатолий в этом причерноморском курортном городе довольно давно, уже лет двадцать, с тех пор как врачи посоветовали его жене поменять суровый сибирский климат на более мягкий. Здесь у них родился поздний и долгожданный ребенок — сын Сашка, здесь они и жили втроем в двухкомнатной квартире. Их старый, послевоенной постройки двухэтажный дом стоял довольно далеко и от моря, и от большинства санаториев. Предстояло долго идти в гору; можно было, в принципе, доехать на автобусе, но он всегда ходил пешком: это у него была такая замена физкультуре.

Когда он наконец поднялся к дому, с него градом катил пот и рубашка была мокрая, хоть вы-

жимай. Ранние южные сумерки быстро заполняли город, и где-то над дальней горой в темнеющем небе уже загорелась первая звездочка.

Войдя в стоящий у раскидистой мушмулы небольшой павильончик, Анатолий поздоровался с пожилым седым армянином, сидевшим на деревянном ящике за прилавком:

– Привет, Васак.

– Толя, здравствуй, дорогой! – приветливо сказал продавец, вставая с ящика.

– Васак, собери мне, пожалуйста, чего-нибудь, как обычно: чтоб не сильно дорого, но чтоб хорошее, а? – улыбнулся гитарист продавцу, вытирая со лба пот. – Сыра там, хлеба, картошки, зелени какой-нибудь...

– Хорошо, Толя, сейчас сделаю. – Взяв пластиковый пакет, Васак стал складывать в него продукты. – Как дела у тебя? Как здоровье?

– Спасибо, в порядке.

– Поешь?

– Да пою помаленьку, только не знаю вот... – Анатолий криво усмехнулся. – Может, и завязывать уже пора с этим делом.

– Почему завязывать?

– Да ну... Копейки платят. Курам на смех...

– Не надо завязывать, Толя. На жизнь хватает, и ладно, всех денег не заработаешь. Тебе же самому петь нравится, людям тебя слушать нравится, а это самое главное. Ты хорошо поешь, душевно.

– Да кому она сегодня нужна, душевность эта... – усмехнулся Анатолий, ставя кофр к прилавку. – Уставать я стал, Васак. Не молоденький уже...

– Так все мы не молодеем. Жизнь такая, куда деваться? А душевность людям всегда нужна.

Васак поставил почти полный пакет возле весов.

– Если бы за нее еще платили нормально, за душевность эту. – Гитарист вынул деньги.

– Э-э... Зря так говоришь! Если только про деньги думать, но без души, потом сам плакать будешь.

– Ладно, Васак, сколько с меня?

– Я тебе скидку дам хорошую. – Улыбнувшись, продавец назвал сумму.

– Спасибо.

Расплатившись, Анатолий одной рукой подхватил кофр, другой взял пакет и пошел к выходу. Вдруг, остановившись у двери, он обернулся:

– Васак, слушай, чуть не забыл... У тебя, может, есть что-нибудь?.. Ну, ты понимаешь... Недорого чтобы. – Он виновато улыбнулся.

– Толя, – продавец перешел на полуслепот, – могу только чачи предложить. Сам знаешь, не торгую, но тебе уступлю.

– Хорошо, давай.

Васак ушел в подсобку и быстро вернулся с бутылкой, завернутой в газету. Подойдя к гитаристу, он запихнул ее в пакет.

– Возьми сам деньги в кармане, руки заняты, – попросил Анатолий.

Продавец сунул руку в карман его брюк, вынул деньги и отсчитал, сколько надо.

– Ну, все... Пока, Васак. Спасибо тебе.

– Счастливо, Толя, заходи. – Армянин махнул на прощание рукой.

Придя домой, Анатолий поставил кофр с гитарой в угол за платяной шкаф и переоделся. Хотелось есть, но жены еще не было, а готовить самому было лень. Он достал из пакета зелень, отрезал большой кусок сыра, кусок хлеба и сел к столу. Налив в граненую рюмку, выпил и поморщился. Немного закусив, он подпер голову руками и задумался.

...Сколько себя Анатолий помнил, он всегда был с гитарой. Сначала, когда еще и ходить-то толком не умел, старая отцовская гитара без струн служила ему любимой игрушкой; потом он подрос и стал бренчать на обычной шестиструнке, а чуть позже отец показал ему несколько аккордов и он начал что-то наигрывать. Затем была музыкальная школа по классу гитары с ежедневными гаммами, этюдами и мучительной болью в пальцах... После окончания десятилетки у него даже вопроса не возникло, куда идти учиться дальше: конечно, в Институт культуры! И он всегда вспоминал те годы, как самые счастливые в своей жизни. Были там и волосы до плеч, и подражание Битлам с Роллингами, и песни у костра, и стройотряды... Были поездки с институтским ансамблем по деревенским клубам и домам культуры, были первые попытки создавать что-то свое, оригинальное. Потом работа в вокально-инструментальном ансамбле во Дворце культуры железнодорожников, женитьба и мечты о прекрасном будущем. И все это он ухватил сполна, и было это по-настоящему здорово, так как была молодость, была цель в жизни и уверенность в завтрашнем счастье.

А потом пришли девяностые и все это как-то вдруг закончилось. Если честно, он даже и не понял, как именно: он никогда не увлекался политикой, его интересовала только музыка, только творчество. Во Дворце культуры деньги пла-

тить перестали, и ребята постепенно разбежались кто куда. Одни как-то очень уж легко порвали с музыкой и ушли в бизнес, стали торговать кто чем; другие, кто был пошустрее, рванули в Москву, искать счастья там, а он как раз в это время перебрался к морю: у жены начала развиваться астма и врачи настоятельно посоветовали сменить климат.

Анатолий думал, что где-где, а уж здесь-то, на черноморском берегу, у хорошего музыканта проблем с работой не будет, но реальность оказалась другой. Впрочем, найти заработок было действительно не так уж и сложно — но лишь в каком-нибудь ресторане или кафе, где был соответствующий репертуар. А к этому репертуару душа у него совсем не лежала. Он жил другой музыкой, другими песнями, другим отношением к своему делу. А тут на поверхность, словно пена в кипящем бульоне, повысакивали другие исполнители, появилась другая эстрада с новыми идеалами и новыми кумирами. Романтика и «песни у костра» уступили место подчас откровенной пошлости, деньгам и «красивой жизни» с яхтами и кабриолетами. Он пробовал было давать уроки игры на гитаре, но быстро понял, что быть педагогом — это тоже не его.

Минут через десять, когда на улице стало уже совсем темно, пришла домой жена.

— Привет, как дела? — заглянула она на кухню. И, увидев бутылку, нахмурилась: — Пьешь, что ли?

Анатолий недовольно поморщился:

— Марин, ну зачем ты так говоришь? Прямо уж пью...

— Ну а что ты делаешь? Или глаза опять?

Муж промолчал.

— Сходил бы уж тогда к невропатологу. Чего не разогреешься-то себе? — Марина достала из ходильника сковороду с жареной картошкой и, поставив ее на плиту, тут же задала следующий вопрос: — Как в «Жемчужном» прошло?

— Ну и на какой вопрос мне отвечать? — глянул на супругу Анатолий. — Разогревать лень. В «Жемчужном» все как всегда.

— Заплатили?

Муж раздраженно повел плечами и налил из бутылки.

— Заплатили. — Он выпил и кхэкнул в кулак.

— Что в бутылке-то?

— Чача. Васак дал.

— О-ой, — скептически протянула жена. — Дрянь всяющую пьешь.

— Это не дрянь, это экологически чистый продукт, получше всяких коньяков будет.

Марина разложила разогретую картошку в две тарелки и тоже села за стол.

— Ну правда, сходи к врачу. А то ты так у меня сопьешься с глазами своими.

— Не сопьюсь.

— Толь, — чуть помолчав, сказала она. — Может, тебе все же на работу какую-нибудь устроиться, а?

— Марин, ну елки-палки! — Анатолий поморщился, как от зубной боли. — Ну говорили ведь уже об этом... Чего ты мне душу рвешь? Мне через три года шестьдесят будет. Ты понимаешь? Шестьдесят! Не тридцать и даже не сорок! Кому я такой нужен?! Я же больше ничего делать не умею, кроме как на гитаре играть!

— Ну, тихо, тихо... Чего завелся-то сразу?

— Ну а чего ты? Куда я устроюсь? Грузчиком? Да и то не возьмут, старый, скажут. На охранника и то учиться сейчас надо, лицензию получать. Да и не смогу я, сама ведь знаешь.

— Знаю... Но смотреть, как ты маешься, бегаешь по своим пансионатам да санаториям...

— Значит, не смотри.

— Ну чего ты ерунду-то говоришь? «Не смотри...» Я жена тебе или кто? Как-никак тридцать лет уже вместе.

— Кстати, а Сашка где? Что-то долго его нет сегодня, — вспомнил Анатолий про сына.

— Он сегодня к одногруппнику на день рождения пошел, сказал, что попозже вернется.

Муж вздохнул и снова взял бутылку.

— Будешь? — спросил он жену.

— Ну вот еще... Скажешь тоже...

Марина, достав из морозилки сало, отрезала несколько кусков.

— Закусывай хоть нормально, — подала она тарелку мужу. Потом, помолчав, сказала мягко: — Ну, может, тебе репертуар свой как-нибудь расширить, а? Что-нибудь посовременнее?

— Посовременнее? — усмехнулся Анатолий. — Ну да... Знаешь, мне сегодня тип один заявил, что два года назад слышал меня и что тогда я те же самые песни пел. Ты представляешь? Бывает же так. Вы, говорит, что, кроме этого, больше ничего не знаете? А я вру ему: нет, знаю, конечно, это просто совпадение такое...

— Ну вот видишь.

— Вижу-то вижу, только на всех ведь не угодишь. Один как-то попросил: спойте чего-нибудь из Круга. А в другом пансионате, в «Светлане»

кажется, однажды Розенбаума с Шуфутинским требовать стали.

– Ну так и чего? Спел бы. И народа будет больше приходить, тебе же самому приятнее будет. Да и зарабатывать больше будешь, в конце концов. Разве это плохо?

– Ну не пою я такие песни, понимаешь ты? Не пою я такое! Я те песни люблю, те, понимаешь?! Для меня они настоящие! В них вся моя жизнь! – Он на секунду замолчал. – Но ты знаешь, что самое страшное? Я недавно поймал себя на том, что я и их начинаю уже потихоньку ненавидеть. Ты понимаешь? И мне страшно стало. Я и люблю их, и боюсь уже, что свихнусь от них же. Я их столько лет пою, и что? «Ретро»... «Песни семидесятых»... И каждый раз человек десять – пятнадцать приходит, не больше. А я стою перед ними и спрашиваю себя: «Зачем я тут? Кому это надо? Для чего я это делаю? Неужели только ради этих копеек?» И хочется плечнуть на все, развернуться и уйти. Но потом спою одну, другую и вижу, как все эти тетки радуются, как глаза у них ожидают, и снова петь охота. Ты понимаешь? А потом опять думаешь: зачем? И так без конца... Это мука какая-то... Господи, ну за что мне все это?!

Анатолий поднял лицо вверх и потряс руками в воздухе. Его глаза блестели, но была в них лишь тоска и безысходность.

– А попса эта или шансон – ну это же так... Это же кич, а не музыка! Это только во дворе по пьяни орать про атаманов с есаулами да про «гоп-стоп» всякий! Это же... ну это же... – Он растерянно посмотрел по сторонам. – Ну неужели ты сама этого не понимаешь?!

– Да при чем тут я-то? – Марина с жалостью смотрела на мужа. – Не я ведь перед людьми выступаю, а ты. Ну, пой свои «семидесятые» любимые, но и Розенбаума того же с Кругом, бог с ними... Раз людям нравится.

– Да мало ли что людям нравится! Я же объясняю тебе: не могу я это петь, не могу! Я музыкант, а не лабух, который поет все подряд на потребу публике, лишь бы платили! И нельзя же все только деньгами мерить! Так можно черт знает до чего докатиться!

– Ну, говорят же, что спрос рождает предложение.

– Ха! Нет уж, милая моя, это не ко мне... – Анатолий решительно помотал головой. – С такой философией можно далеко уехать. Спрос... Если всегда потакать этому спросу... Вон он где,

весь их спрос, – он кивнул в сторону зала, – в телевизоре. Ты вот говоришь: посовременнее что-нибудь... А мне противно смотреть на все эти рожи, которые годами у нас по ящику крутят, на все то, что у них сейчас популярно. Это же все ширпотреб, и даже не второй, а черт знает какой сорт!

– Ширпотреб тоже нужен, без него никуда, – снова взразила жена.

– Так вот кому нужен, пусть тот и поет!

– Не кричи, пожалуйста. Выпил – ладно, но на меня кричать не надо! – твердо произнесла Марина.

– Извини, – повесил голову муж. – Я же не на тебя кричу, а так... в целом...

– И в целом не кричи.

Анатолий встал и, подойдя к окну, распахнул его настежь. В кухню ворвался свежий ночной воздух.

– Понимаешь, – подойдя к мужу сзади, обняла его жена, – мне просто тебя жалко. Я же вижу, как ты мучаешься из-за всего этого: из-за денег, из-за того, что людей мало приходит. Знаешь, я где-то читала, что этот вот закон эволюции, что выживает сильнейший, – это полная чушь. Выживает не сильнейший, а тот, кто лучше приспособливается к новым условиям. Иначе на Земле до сих пор жили бы динозавры, так как они были самые сильные. Но они не смогли приспособиться, поэтому и вымерли, а тараканы хоть и слабые, но приспособились и живут до сих пор.

– Тараканом становиться я не хочу, – задумчиво произнес муж. – А значит, вымру, как те динозавры.

– Не вымрешь, – улыбнулась Марина, – я тебе не дам. Тебе просто надо немного отдохнуть.

Взяв бутылку с чачей, Анатолий убрал ее в шкаф.

– Ладно, хорош на сегодня. Давай будем чай пить.

Примерно через месяц в большом актовом зале санатория «Волна» на стоящих полукругом стульях сидело ровно пятнадцать человек. Почти все были люди старшего поколения, в основном женщины. Только с краю сидела супружеская пара явно моложе остальных, на вид лет тридцать пять или сорок, не больше. Перед сидящими стоял немолодой мужчина; на широком ремне, перекинутом через плечо, у него висела гитара.

Мужчина провел рукой по струнам и слегка поклонился слушателям:

– Добрый вечер! Меня зовут Анатолий, и я очень рад, что вы сегодня нашли время и пришли на мое выступление. Я исполню для вас несколько песен, которые сейчас относятся к категории ретро. Эти песни были весьма популярны в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого века, и я уверен, что вы их прекрасно знаете. Поэтому я был бы рад, если бы вы мне подпевали. – Гитарист улыбнулся и обвел присутствующих взглядом. – А еще я рад тому, что сегодня сюда пришли люди не только старшего возраста, но и практически молодежь.

И он кивнул супружеской паре, сидящей с краю.

– А нам нравятся такие песни! – бойко сказала женщина.

– Ну что ж, это замечательно. Может, и правда, не все динозавры тогда вымрут... – тихо произнес музыкант и снова улыбнулся: – Это я так, о своем... А первой я сегодня исполню песню, у которой в свое время было даже несколько названий: «Не надо печалиться», «Колышется дождь». Но со временем утвердилось другое: «Вся жизнь впереди». Помните такую? – И, ударив по струнам, он кивнул зрителям: – Ну а вы – подпевайте...

